

Приближалась полночь субботы, минуло уже восемь месяцев, как Николас выразил желание принять Гарри в ученики. Этой холодной апрельской ночью Гарри Поттер навел свой телескоп на созвездие Гидры; он изучал небо уже два часа, и это было последнее созвездие, которое он хотел понаблюдать перед отходом ко сну. В последнее время он много занимался астрономией, ведь это было необходимо не только для общего развития, но и для изучения зелий и алхимии.

Астрономия, как он понял, наряду с историей магии, гербологией, арифмологией и рунами – темами, которыми он занялся в последние месяцы, – хоть и не классифицировалась как отдельная отрасль магии – а следовательно, не могла проявиться на его метке, – была, несомненно, полезна в его исследованиях. Зелья, например, учитывали многое из гербологии, астрономии, а в некоторых случаях даже из древних рун, в то время как арифмантика помогала работать с его волшебством и с общим пониманием магических теорий.

И кстати о том, что проявлялось и не проявлялось на его эмблеме. Северус откопал в своей библиотеке невероятно полезную книгу, что произошло после того, как у Гарри появились руны, отметившие его как подмастерье трансфигурации. По правде, мужчину серьезно задело, что он не сразу это заметил, но Гарри только отшучивался; Северус по уши закопался в свитки и книги, стараясь поспеть и с преподаванием, и с изысканиями на тему Волчьелычьего.

В любом случае, если верить книге, эмблема не отмечала традиционных ученичества и мастерства в магии. Оказалось, что ученичество в определенной области магии признавалось, если были выказаны преданность и упорный труд, стремление к намеченной цели. Мастерство было совсем другим делом; эмблема отмечала мастерство не тогда, когда оказывались приобретены все возможные знания по выбранной теме, нет: мастером считался тот, кто свершал некое достижение – а книга была достаточно расплывчата в описании этих достижений, – тогда появлялась отметка принадлежности к этой области магии. Гарри предположил, что окончательный знак посвящения в алхимии – он изучил символ, появившийся всего несколько дней назад и с тех пор служивший ему источником гордости и радости – можно получить, создав Философский Камень. Непростой подвиг, как выяснил Гарри.

Его уроки алхимии начались летом прошлого года и с того августовского дня продолжались без перебоев. Николас и Перенель заняли свое особое место в жизни Гарри и Северуса, и у зеленоглазого мальчика теперь была своя собственная алхимическая лаборатория – пока не столь впечатляющая, как у Николаса, – прямо напротив лаборатории зелий, в подземельях замка. Что очень даже устраивало Гарри, поскольку он мог заглянуть из своей лаборатории к Северусу и по мере сил помочь в его изысканиях.

В то же время, изучив ингредиенты, подходящие для Волчьелычьего, Северус, со своей стороны, добился определенного прогресса в одном небольшом деле: он почти усовершенствовал зелье, которое использовал, чтобы вылечить зрение Гарри, и теперь приступил к созданию вариаций для разных случаев проблем со зрением. Хогвартский мастер зелий даже изобрел несколько других целебных зелий, но отложил их в сторону, дабы продолжить свою работу над Волчьелычьим.

По правде, теплицы Перенель оказались большим подспорьем как для мастера зелий – тот добыл редкие образцы растений, полезных в его работе, которые теперь также росли в его

собственных теплицах, – так и для Гарри, помогая ему расширить свои познания в гербологии.

Фламели сдержали свое обещание, думал Гарри, окуная в чернила свое заточенное орлиное перо и отмечая на своей карте точное местоположение каждой звезды, входящей в созвездие Гидры, оставляя в тетради несколько заметок. Поперву случилась пара поднятых бровей – в ту самую первую субботу, – когда эти двое увидели их без маскировки, но и только. На самом деле, Перенель была вне себя от радости, что так они выглядели настолько здоровее, и не могла этим с ними не поделиться. Николас даже предложил добавить к их скрывающим чарам несколько своих собственных, обнаружить которые будет еще труднее. Гарри был невероятно рад такой реакции; ощущение, что его принимают и привечают только ради него самого, сняло часть тяжести с его души.

Он дописал несколько последних строчек в свою тетрадь и подавил зевок; мимолетный взгляд на карманные часы – рождественский подарок от Николаса – подтвердил, что была уже половина первого. Гарри убрал часы в карман и быстро собрал свои заметки и телескоп; он решил, что будет лучше прогуляться до подземелий. Скорее всего, Северус все еще работал там, ведь наступала неделя полнолуния. Мальчик растер шею и потянулся, начиная спуск с западной башни. Он помахал нескольким портретам, которые еще не спали, и продолжил путь через галереи и потайные ходы в подземелья.

Учеба помогала, отвлекая внимание от окружающего мира, но теперь, когда он не делал ничего достаточно сложного, чтобы занять голову, у него появилось свободное время; время, которое его предательский разум использовал, чтобы подумать об утренних событиях этой пятницы. Была одна из тех редких пятниц, когда ему довелось позавтракать со своим братом, прежде чем покинуть мэноу; обычно они разговаривали по вечерам и редко оставались наедине. Но в то утро Гарри был очень рад задержаться в компании своего брата.

Адриан и Гарри оживленно болтали, ведь они оба проснулись довольно рано утром, что было редкостью для кареглазого близнеца. Гарри внимательно слушал, как его старший брат рассказывал о местах, которые он повидал за время путешествий с родителями.

– И в Париже есть такой прекрасный район в волшебной части города, там можно достать почти любые книги по чарам, какие только можно пожелать! У мамы поехала крыша, едва мы пришли на рынок, но папа и я просто сбежали с Сириусом в поисках ближайшего квиддичного магазина...

Гарри кивал в свою кашу, его глаза светились; уже давно не случалось, чтобы он на самом деле смог вот так поговорить со своим братом. Адриан был точно такой же, как и всегда: оптимистичный, живой, немного шумный, а Квиддич – просто смысл жизни. Даже когда они жили под одной крышей, он скучал по нему.

– И вы жили в округе des sorciers? – спросил Гарри, вспоминая, как они с Северусом в прошлом году ездили в Париж на ноябрьские выходные; они останавливались в неофициальном двадцать первом районе Парижа, также известном как район магов или «округ des sorciers».

- Откуда ты знаешь, как он называется? - удивленно спросил Адриан; Гарри пожал плечами и просто отозвался:

- Я посмотрел кое-что, пока тебя не было, - сказал Гарри и подмигнул. - Я тоже умею читать, знаешь ли! - Адриан усмехнулся брату и бросил в него несколько овсяных хлопьев, от которых Гарри легко увернулся. - Все эти тренировки сделали тебя сильным, - пошел на мировую зеленоглазый мальчик, когда его близнец продуманно попытался запустить в него бумажным полотенцем.

- Зачем ты мне об этом напоминаешь? - спросил Адриан, стукнувшись головой о стол рядом со своей тарелкой, забыв о зажатых в руке бумажных полотенцах.

- Ой, да ладно! - поднажал Гарри. - Не может же все быть настолько плохо, верно?

- Ты не имеешь ни малейшего понятия, насколько все плохо! - пожаловался кареглазый близнец, уставившись в изумруды своего брата. - Я учу все виды защитной магии, а в прошлом месяце мы наконец добрались до нескольких наступательных заклинаний первого курса! Зачем? Я имею в виду, мы ведь всего через три года пойдем в Хогвартс!

Гарри внутренне вздохнул и удержался от гримасы. Его брат жаловался и был несколько менее зрелым, чем хотелось бы, но он прогрессировал; знать защитные заклинания определенно полезно.

- Ну, ты хотя бы пользуешься магией! Мне для этого придется подождать, пока мне исполнится одиннадцать, и пойти в школу!

И пускай это было ложью, его брат, похоже, как минимум слегка повеселел.

- Я тоже так считаю, - сказал Адриан, его улыбка стала шире. - И, думаю, у меня с каждым разом получается все лучше; когда я впервые использовал Инсендио - знаешь, то огненное заклинание, - я чуть не сжег Рону волосы! Я никогда не видел, чтобы он так быстро бегал и...

Но дальше Гарри уже не слушал. Рон? Что Рон делал на тренировке его брата?

- Рон часто бывает, когда ты тренируешься? - спросил зеленоглазый мальчик, пытаясь скрыть обиду в голосе.

- Ну, ага, - легкомысленно ответил Адриан, не замечая изменений в настроении брата. - Иногда, когда я тренируюсь в Хогвартсе, мистер Уизли приводит его, чтобы мы могли поиграть потом в Квиддич.

Гарри понимающе кивнул, продолжая свой завтрак, хотя весь аппетит пропал. Рону можно там быть, когда Адриан тренируется, а ему даже не позволено знать, чему учат его брата? В этот

момент Лили зашла на кухню, а Северус прибыл, чтобы через несколько минут забрать его под презрительным взглядом Джеймса Поттера. И Гарри плакал в тот вечер, а Северус сжимал его в своих объятиях.

Зеленоглазый волшебник вздохнул, преодолевая последние шаги до лаборатории мастера зелий. Не сказать, чтоб он удивился, заметив свет, просачивающийся из-под двери Северусовой лаборатории. Он дважды постучал и вошел.

– Все еще корпишь над свитком, Сев? – спросил зеленоглазый мальчик, когда его взгляд упал на мастера зелий. Северус сидел в кресле, злобно уставившись на лежавший на столе древний свиток; если бы взгляды могли испепелять, этот свиток уже превратился бы в пепел.

– Привет, малыш, – поприветствовал его Северус, устало потирая глаза. – Закончил с астрономией на эту ночь?

– Да; мне просто нужно было сделать несколько записей о влиянии созвездий на алхимические чары. Думаю, я понял связь с алхимической ферментацией*, но...

Северус усмехнулся.

– Приятно видеть, что ты все еще веришь, будто я понимаю, о чем ты говоришь, – высказался он, на что Гарри рассмеялся. У мальчика появилась тенденция вываливать на мастера зелий какие-то случайные факты по алхимии, а тот только слушал с мягкой улыбкой; он почти перестал ему напоминать, что понятия не имеет, о каких таких алхимических процессах тот болтает.

– Все прошло замечательно, – упростил Гарри, садясь напротив мастера зелий.

– Ты начал работать над теми чарами, о которых ты говорил? – спросил Северус, и Гарри кивнул. Как видно, алхимические чары и просто чары – совершенно разные аспекты магии. В первую очередь, алхимические чары не требуют использования палочки, по той простой причине, что там нет заклинаний; алхимическими чарами назывались небольшие стеклянные бутылочки, наполненные магическими ингредиентами и соединениями различных типов масел, плотно запечатанные и обвитые металлическими нитями. Иногда они содержали руны и – самое сложное – символы, а их целью было ускорение алхимических процессов, таких как преобразование металлов. Некоторые из них работали в качестве меры защиты, усиливая обереги, а другие сами действовали как защита или средство нападения; Николас упоминал алхимические чары, которые, будучи активированными, могут погрузить территорию в квадратную милю в полную темноту, которую не разогнать, пока чары не исчезнут, и на это время отчетливо видеть сможет только их создатель.

– Я начал изучать самые простые, – поделился мальчик, пристроив свою тетрадь на столе. – А как продвигается расшифровка этого свитка? – спросил Гарри, указывая на пергамент.

Тот был старым и местами потрескавшимся, Северус приобрел его по случаю в последнее Рождество в Норвегии; он вспомнил, что Гарри хотел увидеть Скандинавию, и решил свозить его туда на вторую неделю зимних праздников. Остальные члены семьи Поттер были в Париже, посещая теоретика трансфигурации, который, вероятно, смог бы объяснить шрам Адриана. Северус мысленно пожелал им удачи в этом начинании и забронировал шале у фьордов**. Во время путешествия они наткнулись на купца, который продавал этот свиток.

Северус сразу заметил рисунки; те, на которых человек превращается в оборотня. Гарри по-прежнему с трудом представлял, как такое преобразование вообще возможно; изображения были очень подробными, и выражение лица человека прекрасно отражало его боль. Гарри содрогнулся, думая, что Ремусу – вечно вежливому и доброму Ремусу – приходится переживать такие пытки каждый месяц.

– Я перевел руны, – сообщил Северус, как ни в чем не бывало. – Но тут, кажется, используется какой-то код, и самое кошмарное, тут описывается некое растение, которое, как предполагается, контролирует изменения, регулирует их, если угодно, – добавил он и указал на две руны в конце свитка. – Тут название, но только то, под которым оно было известно в то время в северной Скандинавии; если бы я только мог понять, каково было первоначальное название... Я так близко, у меня просто руки опускаются! – воскликнул Северус и изобразил нечто, что можно было назвать только «надутыми губами». Гарри расхохотался. – Что? – удивленно спросил Северус.

– Гоблинское золото! Н-надулся! – сказал тот, пытаясь вдохнуть.

– Что значит надулся? – сощурившись, мрачно спросил Северус.

– Ты надулся, Сев! – объяснил Гарри, едва придя в себя.

– Я не дуюсь! – фыркнул обиженный Северус. – На худой конец, задумался! И будучи владельцем замка и последним наследником древнего рода, я имею право размышлять, – подумав, заявил он. – На самом деле, если я хочу соответствовать своему статусу, мне нужно размышлять побольше.

Гарри снова засмеялся, а Северус поднялся с кресла и потянулся.

– Готов на сегодня закончить? – спросил Гарри, тоже поднимаясь со своего места.

– Сколько времени? – зевая, спросил мастер зелий.

– Час пятнадцать, – ответил мальчик, посмотрев на часы.

– Я был готов больше часа назад, – сообщил тот, покосившись на циферблат. – Похоже, тебе нравятся эти часы, верно?

- Скорее, мне вообще нравятся карманные часы, – ответил Гарри, пожимая плечами.

- Что я подумал, – предложил Северус, и они направились к двери, как только Гарри забрал со стола свою тетрадь, в последний раз глянув на свиток. – Как тебе идея по пути к нашим комнатам завернуть на кухню за чашечкой горячего шоколада?

Гарри ухмыльнулся.

- Я бы сказал – веди, Сев.

- Вот это правильно, парень, – одобрил Северус, улыбаясь.

Они дошли до кухни, засыпая на ходу, и Северус, приготовив две кружки горячего напитка, поставил одну перед Гарри.

- Шоколад необходимо любить, – вздохнул мальчик, отпив глоток.

- Я так и делаю, – подтвердил Северус, ухмыльнувшись за своей чашкой.

- Итак, что там с переводом про это твое таинственное растение? – спросил зеленоглазый волшебник, откидываясь в своем кресле; кроме шуток, Северус потратил недели на расшифровку этого свитка.

- Если я все правильно перевел, расшифровал текст и ничего не упустил – и, поверь мне, я не упустил ничего, – тогда растение должно называться, ты только послушай: фиолетовая каменная трава.

Гарри в замешательстве приподнял бровь.

- Как? – это и правда сбивало с толку...

- Именно так, как ты слышал. Насколько я понял из свитка, трава не являлась частью местной флоры, ее принес туда путешественник. Думаю, тот, кто писал свиток, понятия не имел, как растение называлось на самом деле, так что решил остановиться на его описании; это может быть что угодно. Любой тип трав из любой страны, где побывал этот путешественник!

- Не столь... драматично, как я ожидал. И что же делает ее настолько важной? – спросил Гарри.

- Ее эффект, описанный в свитке, повторяется и уменьшает боль. Это может стать ключом,

который позволит цветку Eloïsa до некоторой степени сохранить свою способность реагировать на луну, – погрузившись в размышления, объяснил Северус. – Я не знаю.

– Ну, как я уже не раз повторял, если кто и может во всем разобраться, то это ты, – убежденно сказал мальчик.

– Спасибо, Гарри, – ответил Северус и, допив шоколад, внимательно изучил мальчика. – Тебя это все еще беспокоит, верно? – спросил он; Гарри даже не нужно было уточнять, о чем Северус говорит.

– Да, – только и ответил он. – Я просто не понимаю, папа! – воскликнул он. – Я имею в виду, не готовить меня – это одно, но я думал, что смысл не позволять мне даже знать, что происходит, был в том, чтобы держать тренировки Адриана в секрете! Если Рон там, то почему мне нельзя?

Верный вопрос, тут мастер зелий не мог поспорить.

– Я не могу объяснить тебе, о чем думают твои родители, Гарри, – сказал Северус мрачным тоном, заметив влагу в глазах Гарри. – Но если так посмотреть, я думаю, что на самом деле Рон не присутствует на тренировках Адриана; вероятно, он приходит после, поиграть в Квиддич с твоим братом, – и это вполне может быть правдой, подумал Северус; не могло такого быть, чтобы Поттеры или Дамблдор позволили кому-то кроме инструкторов следить за тренировками Адриана. Риск был слишком велик. Гарри кивнул, Северус уже говорил ему то же самое, но горький привкус, оставшийся от откровений брата прошлым вечером, все еще держался во рту. – И хотя мы могли бы проболтать об этом всю ночь, уже поздно, и я обязан предложить нам лечь спать, пока Минни нас тут не застукала, – серьезно добавил Северус, и Гарри проглотил оставшийся в кружке шоколад.

– Это было бы не слишком приятно, – произнес мальчик, небольшая улыбка появилась в уголках его губ, а Северус решительно кивнул. У этого домового эльфа было золотое сердце, но иногда она могла напугать даже тролля.

Гарри сел на постель и почти вырубился, прочитав всего пару строк из своего экземпляра Венецианского Купца Шекспира, одного из литературных произведений – в данном случае художественного, – которые Северус счел необходимым для него прочесть; мастер зелий был непреклонен, что ему требовалось почитать что-то кроме Сказок Барда Бидля. Не то чтобы он жаловался; было приятно почитать что-то другое, на этот раз исключительно ради чтения, даже если он не мог понять все скрытые между строк смыслы. Северус, однако, заверил его, что со временем понимание придет, так что Гарри решил пока просто наслаждаться историями.

Его глаза закрылись, он погрузился в сон, все еще крепко сжимая в руках книгу; в ту ночь Гарри видел сон о том дне, когда весь мир узнает, на что он способен. Ему снился тот день, когда люди, которых он знал, наконец-то сочтут его равным его брату, а не просто вторым. Сон забылся с приходом утра; остался только образ гордой улыбки на лице Северуса и – как ни странно – черный с серебром конь в отдалении.

Воскресенье мирно прошло за учебой, верховой ездой и небольшой квиддичной тренировкой, и Гарри понемногу воспрял духом. Утром понедельника Гарри снова был в тренировочном зале в подземельях, практикуя превращения, а Северус был в Хогвартсе, практикуя терпение. Не сказать чтоб ему нравилось преподавать, думал он, подходя к ученице-второкурснице Равенкло, которая сотворила Мерлин знает что со своим зельем. Упомянутая девушка испуганно съежилась и только кивала на его инструкции. Он бросил несколько слов уже третьему в Хогвартсе из мальчиков Уизли, Перси, который почти не дышал, пока облаченный в черное мужчина не отошел. Нет, не сказать чтоб ему нравилось преподавать; вернее будет, что он обожал это занятие.

И он представлял себе, насколько бы он любил свою работу, если бы только мог учить без этой маски, за которой приходилось скрываться. Когда он начал преподавать в Хогвартсе, маска была естественной реакцией, так он скрывался от мира. Но теперь? Ну, кажется, можно было бы попробовать. Но, напомнил он себе с ухмылкой – поскольку в Хогвартсе он никогда не улыбался, – Гарри был для него важнее, и поэтому нынешний статус-кво останется неизменным, видимость необходимо сохранять. Кроме того, подумал Северус, и еще шире ухмыльнулся в эссе, которое якобы читал, когда придет время, и они с Гарри снимут свои маски... он просто не мог дожидаться их реакции. Мысленно он пометил себе сказать Гарри сделать снимки, когда этот день придет.

Оставшееся время своего урока он провел в тишине, только раздавая указания и стараясь полностью соответствовать образу предвзятого человека, каким он должен был стать; в этом году Альбус назначил его деканом Слизерина, и он делал все, что мог, чтобы доставить старику неприятности: ему следовало уделять Гарри больше внимания, когда у него был шанс!

Чтобы досадить ему, он даже стал претендовать на должность преподавателя Защиты от Темных Искусств, на которую, как известно, Волдеморт много лет назад наложил проклятие. Альбус, конечно, отказывал, а Северус давил все сильнее и сильнее, зная, что директор не поддастся. Особенно в этом году, после решения Квинтуса взять со следующего семестра двухгодичный отпуск, чтобы иметь возможность перейти по специализации от теории к практике. Северус наслаждался, требуя назначить его на должность, которая была ему больше не нужна.

Его исследования Волчьелычьего подстегнули его страсть к зельям, и он ни за что в мире не изменил бы своей работе. Он лениво задавался вопросом, что произойдет, если Альбус когда-нибудь действительно отдаст ему этот пост. Он постарался не рассмеяться: старый дурак наверняка взбесится. На обеденном перерыве – на котором он не мог позволить себе смотреть в сторону директора из опасений рассмеяться – он сосредоточился на путешествии, которое запланировал на это лето в качестве сюрприза для Гарри; за осень и зиму они исколесили всю Европу, потратив несколько выходных после Гарриных уроков алхимии, и посетили Францию – Северус даже начал немного учить Гарри языку, – Гибралтар, Испанию, Италию и просторы Скандинавии. Так что на лето мастер зелий запланировал нечто особенное.

Не то чтобы ему на этот раз нужны были какие-то ингредиенты, нет; он мог заказать большую часть желаемого – за исключением этого проклятущего таинственного растения! – но он и сам всегда хотел посетить эту страну. Он потыкал свою еду, изображая недовольство и размышляя над тем, какотреагирует Гарри, когда он скажет ему, что они едут в Индию. Он ухмыльнулся: это тоже следовало бы заснять!

<http://tl.rulate.ru/book/73471/2026647>